

УДК 101.1

ОТ СКОВОРОДЫ ДО ЭРНА: КОНТРОВЕРЗЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ FROM SKOVORODA TO ERN: CONTROVERSIES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

В.В. Варава
V.V. Varava

Воронежский государственный университет, Россия, 394000, Воронеж, Пр. Революции, 24
Voronezh State university, 24, Prospect Revolution, Voronezh, 394000, Russia

E-mail: vladimir_varava@list.ru

Ключевые слова: русская религиозная философия, ортодоксия, свободная мысль, тревога, Эрос и Логос философии, христианство.

Keywords: Russian religious philosophy, orthodoxy, free thought, anxiety, Eros and Logos of philosophy, Christianity.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о становлении русской философии как философии, независимой от ортодоксальности. В этом контексте исследуется рассматривается оценка философского наследия Григория Сковороды русским философом Владимиром Эрном. Раскрываются различно понимание религиозности.

Resume: This paper addresses the issue of the formation of Russian philosophy as independent from orthodoxy. In this context, we investigate the estimation of the philosophical heritage of Hryhoriy Skovoroda by Russian philosopher Vladimir Ern. Discloses different understanding of religion.

Неуспокоенность, крайняя напряженность и какой-то бесконечный болезненный психологизм – вот как может быть описана ситуация с русской философией. Что-то сурово сопротивляется в самой русской среде русской философии. И сегодня, несмотря на возвращение практически всего наследия отечественной философской мысли, сама эта мысль во многом еще неизведанный материк, своего рода «ничейная земля». По мнению М. Н. Громова, выразившегося весьма академически полнокорректно: «уже два столетия идет полемика по поводу периодизации русской философии, ее начала и основных стадий эволюции, включенности в европейское и мировое мыслительное пространство» [Громов, с. 155]. Скорее всего, этот процесс не будет завершен никогда, и полемика по поводу «начал» русской философии и ее принадлежности к «мировой философии» будет со временем лишь обостряться; если конечно останутся еще философские пассионарии, готовые насмерть биться за честь своего мундира.

В некотором смысле принципиальная неопределимость и фатальная неопределяемость русской философии – залог ее жизнестойкости, открытости к вопрошанию, поскольку вопрошание и есть самый важный нерв философии. В этом смысле русское философствование совпадает с самой философией в каком-то наиболее важном пункте. Один из наиболее проблемных вопросов русской философии – это *вопрос о ее религиозности*. Существует бесчисленное количество апологий русской религиозной философии, в которых религиозность, понимаемая в христианском духе, определяется как несомненное достоинство и даже своеобразие русской мысли.

При этом нужно иметь в виду, что термин «религиозный» может трактоваться, по крайней мере, в двух смыслах – в конфессиональном и неконфессиональном. Между ними значительное расхождение. Так, например, Н. Зернов видит философскую миссию представителей русского религиозного возрождения в следующем: «В их лице русское православие вышло из изоляции и распространило свое благотворное влияние по всему христианскому миру. ...его представители дали убедительное изложение традиционного православного вероучения на языке и в понятиях современной культуры и сохранили для России историческую преемственность в то время, когда она систематически уничтожалась на их родине» [Зернов, с. 329]. Эта философская миссия в действительности является религиозно-культурной, связанной исключительно с христианской апологетикой. Религиозная философия мыслится здесь как наиболее эффективный (по сравнению с богословием) апологетический инструмент, не имеющий в сущности своего собственного метафизического содержания.

А вот, когда Н. Бердяев говорит об *исконной религиозности русской мысли и национального духа*, то здесь, очевидно, речь идет о несколько ином понимании религиозности. В работе о Хомякове он пишет: «Славянофилы определили русскую мысль как религиозную по преимуществу. ... Славянофилы впервые ясно формулировали, что центр русской духовной жизни – религиозный, что русская тревога и русское искание в существе своем религиозны. И до наших дней все, что было и есть оригинального, творческого, значительного в нашей культуре, в нашей литературе и философии, в нашем самосознании, все это – религиозное по теме, устремлению, по размаху» [Бердяев, с. 231]. Ре-

лигиозность вообще связывается Бердяевым с проявлением русского гения. Но важен здесь акцент на «русской тревоге» и «русских исканиях», которые религиозны в бердяевском, но отнюдь не в конфессиональном смысле. В. В. Розанов как бы поясняет и углубляет эту мысль Бердяева, когда в «Уединенном» пишет: «Православие в высшей степени отвечает гармоничному духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу» [Розанов, с. 254].

«Потревоженный дух» и есть истинный дух русской философии, которая раз и навсегда оказалась потревоженной высшим и предельным, «бездной», что многие связывают с открытиями Достоевского. Вячеслав Иванов сказал, что Достоевский есть «великий зачинатель и предопределятель нашей культурной сложности». «До него, – продолжает русский философ, – все в русской жизни, в русской мысли было просто. Он сделал сложным нашу душу, нашу веру, наше искусство... поставил будущему вопросы, которые до него никто не ставил, и нащептал ответы на еще непонятные вопросы. Он как бы переместил планетарную систему: он принес нам откровение личности. ... Достоевский был змий, открывший познание путей отъединенной, самодовлеющей личности и путей личности, полагающей все и вселенское бытие в Боге. Так он сделал нас богами, знающими зло и добро, и оставил нас, свободных, выбирать то или другое, на распутье» [Иванов, с. 165].

Таким образом, *русские гениальность, религиозность, искание и тревога* оказываются неким целостным феноменом, с помощью которого представляется возможным описать наиболее существенные черты проявления русской философии. И сразу нужно сказать, что это действительно своеобразие русской философии как философии неконфессионального свойства. Более того, во многом оригинальность русской философии и проявляется в противостоянии с ортодоксией. Наиболее очевидно это произошло, с нашей точки зрения, в оценке Григория Сковороды, которую осуществил В. Ф. Эрн в известной работе. Весьма примечательны все эти, граничащие с гениальностью, характеристики Сковороды, данные Эрном, в которых, с одной стороны, раскрывается субъективный аспект личного восприятия одного русского философа другим; с другой, выявляется магистральный путь русской философии, контрверзы русской мысли, которая мучительно обретает свою независимость в непрекращающейся полемике с православным богословием.

Примечательна, прежде всего, высшая оценка Сковороды как «родоначальника русской философской мысли», которую дает ему Эрн. Так, он пишет: «Природность Сковороды, его глубокая и благочестивая верность своей натуре украсила его духовный облик не только чертами творческой оригинальности и подлинного своеобразия, но и сделала его родоначальником русской философской мысли, духовным зачинателем и основоположником всех крупных последующих умственных течений в русском обществе» [Эрн, с. 580-581]; «В лице Сковороды происходит рождение философского разума в России; и в этом первом лепете звучат новые, незнакомые Европе ноты, объявляется определенная вражда рационализму, закладываются основы совершенно иного самоопределения философского разума» [Эрн, с. 582]; «Сковорода стоит у самого порога русской мысли. Он первый творчески начинает то, что потом гениально растет, множится и цветет» [Эрн, с. 598].

Более того, Сковорода, согласно Эрну, имеет значение не только для России, но и для всего человечества: «фигура Сковороды – одна из самых замечательных на протяжении всей истории человеческой мысли, и жизнь его есть одна из тех редких, чистых и благородных жизней, которыми по справедливости может гордиться человечество» [Эрн, с. 579]. Отчасти, можно сказать, это компенсация той системной несправедливости в отношении Сковороды, которая не только недооценивала значимость мыслителя, но унижала его. Об этом Эрн пишет с горечью и негодованием. И в то же время, нельзя не признать объективную правоту Эрна, весьма точно раскрывшего существенные черты русской философии, увидев их проявления в философии Григория Сковороды.

Так, Эрн находит такие черты глубокого духовного родства между Сковородой и последующей русской мыслью как *странничество, символизм, антропологизм, целостность, принцип сродности, протест против идола научности, вечная женственность*. Нам представляется, что странничество и антропологизм являются наиболее характерными чертами русской философии, в которых отразились специфические духовные свойства русского ума. Эрн говорит об «огромном факте *странничества внутреннего*, которым проникнута вся творческая русская мысль». Речь, по сути дела, идет об *эсхатологизме русской философии*, который во многом определил ее уникальное место в мировой философии. Эрн пишет: «Тревожность мысли Гоголя, Соловьева и особенно Достоевского – непревзойденной вершины нашего самосознания – совершенно нова для современной Европы. Эта специфическая русская тревога в своих высших явлениях ощущает с силою исторический ход времени, эпох, сознает страннический, переходный и преходящий характер всей земли, всего мира и начинает чувствовать Апокалипсис, как живую книгу Истории, которая перелистывается на наших глазах [Эрн, с. 583-584].

И конечно, антропологизм как задача «внутреннего, метафизического изучения человека», которая «с непревзойденной гениальностью разрешается в русской художественной литературе». Эрн

говорит о неразрывности русской мысли с художественным творчеством, о «вечной и благодатной спайке разума поэтического и разума философского в русской мысли». Действительно, философичность русской литературы является, по мнению многих авторитетных исследователей наиболее показательным и оригинальным ее свойством.

Важно то, что все эти особенности Эрн усматривает в философском наследии Сковороды, которое перестает быть лишь фактом истории, становясь плодотворным творческим началом для дальнейшего философского развития.

При этом, Эрн говорит о «бессознательном отталкивании Сковороды от Церкви». Это, можно сказать, главный полемический тезис одного философа против другого. Эрн мучим этим вопросом: «Что же держит Сковороду в несомненном отдалении от Церкви? Почему он, принципиально не враждуя с Церковью, тем не менее находится к Ней в какой-то глухой, бессознательной оппозиции?» [Эрн, с. 576].

Стремясь прояснить ситуацию, Эрн критикует, даже судит в некотором роде Сковороду за нецерковность, показывая его как бы неполноценность, тем самым, снимая все его заслуги «родоначальника», о которых он сам с таким искренним пафосом говорит. Это явное противоречие: с одной стороны Сковорода для Эрна – самый высший и единственный; но с другой, он явно обладает некоторой духовной неполноценностью, поскольку чего-то не понимал, не дошел, не видел, Сковороде свойственна слепота и хаотичность и т.д. Эта исключительная фигура для 18 века (да и всего человечества, по словам же Эрна) вдруг оказывается ниже множества монахов, церковных книжников, просто верующих, которые Истину знают лучше, чем он.

У Эрна при всем его гениальном проникновении в самое сокровенное у Сковороды, налицо ортодоксальное осуждение свободной философской мысли, которое именно в Сковороде и проявилось и расцвело самым пышным и благоуханным цветом. Эрн критикует в Сковороде то, за что его больше всего и ценит как первого, высшего, «божественного» и т.д. Если бы Сковорода был стопроцентным ортодоксальным философом-книжником, то он не был бы Сковородой, тем самым свободным и оригинальным мыслителем, который так дорог Эрну.

При этом у Эрна глубочайшие интуиции относительно Сковороды, когда он пишет, что тот «...смутными, но страстными словами начинает говорить о своей запредельной таинственной родине» [Эрн, с. 580]. В некотором роде, это сближает мысль Эрна, как ни странно с рассуждениями Хайдеггера о сущности философии. Немецкий философ приводит слова Новалиса о философии: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома», комментируя их следующим образом: «Останемся при своем и спросим: в чем тут дело – философия – ностальгия? Новалис сам поясняет: «тяга повсюду быть дома». Подобной тягой философия может быть только когда мы, философствующие, повсюду *не* дома. По чему тоскует тоска этой тяги? Повсюду быть дома – что это значит? ... Нас всегда зовет Нечто как целое. Это «в целом» есть мир» [Хайдеггер, с. 330].

Все это очень близко к тому, что Эрн усматривает у Сковороды. А усматривает он ни что иное, как *философскую ностальгию*, это «повсюду не дома» Хайдеггера и Новалиса. Эрн пишет: «Сковорода первый снимается с насиженных мест новоевропейской истории, первый устремляется в будущее, первый исходит из Египта материальной механической цивилизации и отдается поискам Нового, Вечного, Непреходящего» [Эрн, с. 584]. По сути дела, Сковорода первый русский философ в том смысле, что он опознал фундаментальную тягу как исконную мету философствования как такового. Отсюда его странничество (и внутреннее и внешнее) и «специфически русская тревога», которую тонко подмечает Эрн, находя ее у многих русских философов.

Главная коллизия русской религиозной мысли заключается в этом столкновении свободного философского духа (ностальгии) с теми формами религиозности, которой отмечена отечественная культура. Эрн все очень точно и глубоко объяснил у Сковороды, но как бы не захотел принять собственное открытие о нем, испугался, что оно не соответствует ортодоксальности и умалил Сковороду, возвеличив его. Таков путь русской мысли, о котором сам же Эрн говорит: «Бессознательное отталкивание Сковороды от Церкви, стоящее в противоречии с высшим разумом его же собственного мировоззрения, повторяется в невысказанной трагедии жизни Толстого. Этот великий гений внутренне надламывается от того же самого, что удерживало Сковороду от высшего просветления и не давало ему окончательно вспыхнуть и загореться вселенским светом» [Эрн, с. 589].

Парадокс Сковороды в том, что он насквозь пронизан христианством, но это не то христианство, это христианство, с помощью которого мыслитель отрывается от «насиженных мест» отчей духовности и отправляется уже в собственное странствие с неизведанным и неизвестным исходом. Может быть, Сковорода и не так оригинален, как мыслитель, но он принципиально важен как фигура, в которой свершается собственная независимая духовная работа, собственный поиск истины. Это не может не вступить в противоречие с господствующей ортодоксальной традицией, о чем с горечью, но с какой-то тайной радостью все же говорит Владимир Эрн.

В образе жизни и образе мысли Григория Сковороды произошло максимальное сближение и такое же максимальное расхождение *национального* и *философского*. Здесь всегда возможны две ошибки: консервация сближения («славянофильство») и консервация расхождения («западничество»). Народная жизнь духа, если таковая вообще существует, не может характеризоваться никакой единой формулой, претендующей на исчерпывающее понимание. Только живая и драматическая *диалектика национального и философского* может отразить некую достоверную самобытность национального самосознания. Путь Сковороды и явил эту живую диалектику.

Если предположить, что философский этос складывается из философского Эроса и философского Логоса, где Эрос – это страсть, самые сильные, темные и бессознательные невербальные интуиции, пронизывающие национальную стихию, а Логос – это уже вербальная выраженность этих идей, то Сковорода и есть назревший, почти прорвавшийся в Логос философский Эрос. Сковорода – первый дает озвучку темному Эросу. И это очень хорошо понял Владимир Эрн.

В дальнейшем, уже собственно крупная самобытная философская мысль в лице Достоевского, Толстого, Розанова, Шестова, Бердяева и многих других шла проторенным путем Сковороды, *путем духовной свободы*, полагания на истину, а ни на авторитет. Это сложный, драматический путь, но именно этим путем и пошла, и следует надеяться, и дальше будет идти русская философская мысль, являя миру высоты нравственной мудрости и метафизической проникновенности.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ, 2007. 445 с.
Berdjaev N.A. Konstantin Leont'ev. Oчерk iz istorii russkoj religioznoj mysli. Aleksej Stepanovich Homjakov. M.: AST, 2007. 445 s.
2. Громов М.Н. Изборник 70. Тверь: Альфа-пресс, 2013. 560 с.
Gromov M.N. Izbornik 70. Tver': Al'fa-press, 2013. 560 s.
3. Зернов Русской религиозное возрождение XX века. YMCA-PRESS. Paris, 1991. 368 с.
Zernov Russkoj religioznoe vozrozhdenie XX veka. YMCA-PRESS. Paris, 1991. 368 s.
4. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли. М.: Книга, 1990.
Ivanov Vjach. Dostoevskij i roman-tragedija // O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj mysli. M.: Kniga, 1990.
5. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Том 2. М.: Правда, 1990. С. 195-277.
Rozanov V.V. Uedinennoe // Rozanov V.V. Tom 2. M.: Pravda, 1990. S. 195-277.
6. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.327-345.
Hajdegger M. Osnovnye ponjatija metafiziki // Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija. M.: Respublika, 1993. S.327-345.
7. Эрн В. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. Мн. Харвест, М.: АСТ, 2000. 592 с.
Jern V. Bor'ba za Logos. G. Skovoroda. Zhizn' i uchenie. Mn. Harvest, M.: AST, 2000. 592 s.